

ЭХО АФГАНА

Он позвонил мне домой по телефону с Ярославского вокзала. Сказал, что в Москве – проездом, пробудет тут сегодня только до вечера и хотел бы повидаться со мною. Я ответил:

– Ладно, Валера, приезжай. У тебя сохранился мой домашний адрес?

– Да, Иона Ионович, – подтвердил он. – Буду у вас через час.

Он не знал, что я уступил его просьбе вопреки своему крайне скверному настроению и нежеланию общаться с кем-либо, разговаривать, объяснять мое подавленное состояние.

В тот день, 4 февраля 1994 года, истекло ровно четыре месяца с прошлогоднего московского кровопролития, когда я, уцелев, стал, однако, безработным и утратил возможность прокормить себя прежним многолетним ремеслом журналиста-международника.

В моей трудовой книжке последняя запись гласила о том, что я уволен с занимаемой должности по чрезвычайному указу президента России Б.Н. Ельцина и лишен впредь каких-либо «социальных гарантий». Вскоре затем Ельцин издал мемуарную книжку, где причислил меня к заговорщикам против него и обозвал «фашистом». С таким черным клеймом я мог рассчитывать отныне лишь на случайную работенку вне моей профессии.

Те времена апофеоза кремлевского царства Бориса Ельцина сейчас уже полузабыты благодаря симулянтскому беспамятству российской прессы. Она ведь обесчестила себя осенью 1993 года, когда аплодировала приказу Ельцина расстрелять из танков наш парламент в столичном «Белом доме». А я был среди его защитников, являясь депутатом парламента и сторонником импичмента президента-самодура. За что и поплатился. Но повторись все это снова, поступил бы так же.

К тем драматическим событиям не имел, впрочем, никакого отношения позвонивший мне с Ярославского вокзала деревенский парень по имени Валера. Он был втрое моложе меня и жил на Украине в селе Печановка. Однако за тысячи километров оттуда я впервые повстречался с ним в пакистанском городе Пешаваре, который существует уже 25 столетий.

Древний Пешавар сыграл, пожалуй, магическую роль в моей судьбе. Там непредугаданно я очутился как бы на трамплине, откуда

меня, газетчика, закинуло, спустя полгода, в депутатское кресло Верховного Совета России.

Чудотворный для меня Пешавар выглядит и внешне до сих пор словно сказочный город из «Тысячи и одной ночи» легендарной Шахерезады. Не подражая ей, я берусь все же рассказать не менее, быть может, увлекательную быль о Пешаваре и его обитателях, включая украинца Валеру Прокопчука.

Итак, добро пожаловать в старинный Пешавар, срисованный как будто с яркочасочных картин русского живописца Индостана и неустанный путешественник Василия Верещагина. Его давнишняя экзотика – городской пейзаж сегодняшнего Пешавара: крепостные замки, дворцы махараджей, мраморные мечети и минареты, пальмы, верблюды, хаос восточных базаров, людской муравейник в лабиринтах узких улиц под палящим солнцем.

Если бы вдруг ожил Верещагин, то ему пришлось бы в Пешаваре все-таки осовременить частично зарисовки уличной толпы. Ибо там повсюду многие горожане-бородачи в тюрбанах и долгополых рубахах опоясаны нынче ремнями с пистолетами или вооружены автоматами Калашникова. А у некоторых грудь перехлестнута крестобразно кожаными лентами патронташей.

Пешавар был всегда и остался по сей день прифронтовым городом. От него до беспокойной границы с Афганистаном всего-навсего 50 километров. И везде вдоль той границы продолжается у афганцев многолетняя гражданская война. При сем граница не имеет сплошной охраны с обеих сторон.

Бесконтрольный переход границы затруднен лишь скалистой грядой невысоких Сулеймановых гор. Их рассекает извилистое ущелье – Хайберский перевал. Сквозь него издавна прорывались к Пешавару для захвата Индостана орды завоевателей всех эпох – арии, античные греки, гунны, монголы, скифы, арабы, персы, турки.

Наибольших успехов достигли полчища трех интервентов. Боевые фаланги Александра Македонского покорили Пешавар в четвертом веке до нашей эры. Спустя почти два тысячелетия конница ферганского падишаха Бабура и примкнувшие к нему афганцы ворвались в Пешавар, оккупировали потом всю Индию и создали в ней свою Империю Великих Моголов. Ее разгромила через триста лет другая империя – Великобритания. Она, овладев Пешаваром, трижды вторгалась в соседний Афганистан.

А в 1981 году я сам, военный корреспондент московской газеты, был прикомандирован к войскам Советской Армии, чьи боевые пози-

ции на афганской земле находились в 70 километрах от Пешавара.

Однако не только бесконечные войны ознаменовали историю города в южном жерле Хайберского перевала. По нему пролег еще в средневековые мирный «шелковый путь» караванной торговли между Европой, Индией и Китаем.

Товарно-транзитный Пешавар славился богатым изобилием своих интернациональных базаров. Сюда стекались разнородные дельцы из дальних стран, исламисты и христиане, буддисты и сикхи, конфуцианцы и индусы. Их религии, национальные культуры, бытовые традиции и пристрастия образовали в Пешаваре бесподобный коктейль из перемешанных цивилизаций. Это видно теперь прежде всего в архитектуре Пешавара.

Трехэтажные каменные дома окольцованы галереями балконов с перилами французского стиля из низких узорчатых решеток. Продолговатые столбики окон заострены сверху и обрамлены выпуклой лепкой на манер венецианских палаццо. Фасады украшены античными колоннами эллинов и настенными скульптурами миниатюрных башен мусульманских храмов с округлыми куполами. Столь фантастического зодчества я не видел нигде в иных азиатских городах, от турецкого Стамбула до индонезийской Джакарты.

В пешаварских домах заурядны по-азиатски только первые этажи, занятые повсеместно уличными лавками. В них выставлены напоказ рулоны пестроцветных тканей, орнаментированные самовары, кувшины и чайники, ювелирная мишура, сандалеты и барашковые папахи, восточные сладости и фрукты. Тут же на керосиновых горелках жарятся и остро пахнут шашлыки.

А рядом – оружейные магазинчики, где продают кому угодно винтовки, револьверы, боеприпасы. Здешние жители, воинственные пуштуны, поголовно имеют право обладать оружием. Частенько среди бепа дня слышна уличная стрельба. Так пешаварцы обычно празднуют свадьбы или завершают ссоры по любому поводу.

Спорадические выстрелы никого не пугают. Возле лавок не редкость толпы женщин под зелеными чадрами и темноликих мужчин в белых рубашках поверх широченных шаровар.

По мостовым неспешно шагают погонщики мулов с допотопными повозками. Меж них снуют мотоциклетные рикши с пассажирскими двухместными прицепами. На окрестных минаретах, оснащенных радиорупорами, звонко кричат муздины, оповещая всех об очередном молитвенном намазе.

В эти заповедные края я возмечтал попасть, будучи еще школьником и начитавшись приключенческих романов Редьярда Киплинга, знаменитого всемирно британского обожателя Индостана. Его юнги побудили меня получить университетский диплом востоковеда и освоить языки Индии и Пакистана.

Первый раз я очутился в Индии в 1965 году. А в Пакистане и соседнем Афганистане – 16 лет спустя. И туда завлекло не журналистское любопытство, а начатая моей страной афганская война.

На афгано-пакистанской границе, неподалеку от Пешавара, я повстречался весной 1981 года и подружился с юным лейтенантом Виктором Посевым. Нас сблизило необычное в армейской среде увлечение Виктора искусством и языками Востока. Он владел афганским диалектом дари и служил военным переводчиком.

Через неделю после нашего знакомства Виктор в бою с афганскими моджахедами был пленен ими. Они подвергли его жутким пыткам и казнили. Так расправлялись моджахеды со всеми взятыми в плен советскими офицерами. А некоторых наших солдат изредка щадили, если те соглашались поневоле стать мусульманами и безропотными рабами их захватчиков.

Девять лет наша армия сражалась в Афганистане, но все эти годы было запрещено советской прессе сообщать о гибнувших на той войне тысячах сограждан, десятках тысяч израненных калек, сотнях жертв афганского плена. За всю афганскую войну мне позволили лишь единый раз рассказать на страницах газеты «Красная звезда» о мученической смерти моего друга-лейтенанта. Но вслед за тем эту трагическую тематику заново строжайше табуировали.

Только после афганской войны я смог наконец-то разгласить, как еще в ее начале видел изрубленные кинжалами трупы моих соотечественников, угодивших в плен к моджахедам. Они обычно отрезали пленникам уши и носы, рассекали животы и вырывали кишки наружу, отрубали головы и запихивали внутрь распоротой брюшины. А когда добывали нескольких пленников, то измывались над ними поочередно на глазах следующих смертников.

Тошнотворное живодерство моджахедов вызывало иногда отвращение даже среди их симпатизеров – присланных к ним западных журналистов. Мне запомнился военный репортаж корреспондента радиостанции Би-би-си, англичанина Джона Фуллертон:

«Одну группу убитых в плену советских солдат, с которых содрали кожу, повесили напоказ на крюках. Другой пленник стал централь-

ной игрушкой аттракциона под названием «бузкаши» – дикарского конного поло афганцев, скачущих на лошадях, выхватывая друг у друга вместо мяча обезглавленную овцу. Взамен нее они использовали плененного солдата. Живого! И он был разодран буквально на куски».

Хотя международная этика журналистов возбраняет им иметь оружие, я на афганской войне не расставался нигде с пистолетом на случай вынужденного самоубийства – страховки от возможности афганского плена с его предсмертными пытками.

В ноябре 1981 года я, корреспондент «Литературной газеты», побывал на севере Пакистана и встретился там с двумя главарями афганских моджахедов. Мое рискованное общение с ними было секретно санкционировано начальником пакистанской резидентуры КГБ полковником Вячеславом Гургуновым. С его ведома я отважился на ночное свидание с предводителями моджахедов как бы ради газетного интервью с ними, а на самом деле — для попытки предложить им освободить хотя бы часть еще неубитых ими советских военнопленных.

За это в обмен потребовали моджахеды от нас очень крупную политическую уступку – включить их представителей в просоветское правительство Афганистана. Такой запрос сочли тогда в Москве чрезмерно наглым. Кремлевские вожди были в те дни абсолютно уверены, что непобедимая Советская Армия изничтожит вот-вот непокорные ей партизанские банды афганцев.

А горькая участь кучки недобитых афганских пленников не тревожила у нас высшие власти. Они по давней сталинской привычке подозревали в предательстве тех, кто выжил как-то во вражеском плену. Да к тому же невольники моджахедов были сплошь солдатами-призывниками из простого люда провинциальной бедноты. Ее сынонья всегда у московских владык безликое пушечное мясо.

В итоге мой пакистанский зондаж моджахедов оказался безрезультатным.

Минуло еще семь лет. И стал очевиден всем наш явный проигрыш афганской войны. Осознало это и обновленное руководство в Кремле, откуда начал рулить ослабевшей державой ее сладкоречивый реформатор Михаил Горбачев. Он посулил нам светлое будущее: «Перестройку», «Гласность», «Ускорение», «Новое мышление». И пообещал приступить к выводу советских войск из Афганистана с весны 1988 года, а закончить эту бесславную операцию в феврале последующего года.

Однако многословные декларации Горбачева о прекращении войны почему-то никак не упоминали наш общегосударственный долг — спасение узников афганского плена. Их поименный список — 312 солдат и сержантов — удалось мне заполучить в московском министерстве обороны.

Об этих страдальцах помалкивала по-прежнему советская пресса, раскрепощенная лишь отчасти горбачевской «гласностью». А я тщетно уговаривал своих шефов в «Литературной газете» прекратить цензурную утайку «правды» о беспомощных пленниках моджахедов.

От них отмахнулся хладнокровно горбачевский министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе, когда он в апреле 1988 года торжественно подписал договор правительств СССР, США, Пакистана, Афганистана и руководства ООН о мирном урегулировании послевоенных афганских проблем. В их обширном перечне не говорилось ничего о наших военнопленных. Тем самым все участники договора официально уклонились впредь от обязательств вывозить поработанных моджахедами граждан Советского Союза.

И только после этой ущербной сделки Кремля дозволили «Литературной газете» опубликовать впервые в нашей прессе мой запоздалый репортаж о муках захваченных афганцами советских армейцев. После чего Шеварднадзе и сам Горбачев лицемерно высказали уже бесполезное сочувствие семьям военнопленных и обнадежили туманными обещаниями помочь чем-либо по возможности их несчастным детям в чужеземном плену...

Совсем по-иному среагировало множество читателей «Литературной газеты». В ее редакцию хлынула лавина адресованных мне писем. Это был ураганный взрыв изумления, болевого шока, сострадания и гнева в ответ на первую огласку нашего всеобщего позора — девятилетнего забвения сородичей в аду азиатского плена. Тысячи добросердечных людей со всех краев моей отчизны потребовали наивно от меня, безвластного газетчика, предпринять немедленно энергичные действия к вырубке из Афганистана советских военнопленных.

Но как можно было выполнить такое вроде бы несбыточное желание? Оно тем не менее стало тогда массовым, громогласным и столь напористо обращенным напрямик ко мне, что я отчаянно решился на несвойственный журналисту поступок. Взялся организовать международный общественный комитет, дабы послать его деле-

гацию на переговоры с атаманами моджахедов для выяснения их условий возврата нам еще не загубленных наших солдат.

И вот задуманный мною общественный комитет возник летом 1988 года, как ни удивительно, поначалу без помех со стороны Кремля. Ибо оттуда уже не посмели открыто подавить стихийный порыв российской общественности высвободить ее мальцов из афганского рабства.

Да к тому же верховные власти и хозяин советской дипломатии Шеварднадзе не имели никаких контактов с моджахедами, а потому сочли, что новорожденный комитет быстро обанкротится, так как его ничтожные простаки не сумеют самостоятельно связаться в далеком зарубежье с лидерами моджахедов.

Так сперва и произошло. Четыре месяца подряд я безуспешно отправлял послания своего комитета правительству Пакистана с просьбами разрешить нашей делегации посетить Пешавар, где находились всю афганскую войну прифронтовые штабы вожаков моджахедов. Их снабжали обильно в Пешаваре американским оружием — пулеметами, зенитками, снарядами и патронами, гранатометами, минами, противоавиационными ракетами «Стингер».

Утром 24 ноября 1988 года комитет за освобождение афганцами советских военнопленных устроил уличный митинг перед московским посольством Пакистана на Садовом кольце.

Накануне мы объявили по радио и в газетах о том, что будем на митинге беспротестно взывать к милосердию правительства Пакистана, уповая на распоряжение предоставить нашим делегатам пакистанские визы для поездки на переговоры с моджахедами в их пешаварских штабах.

Но менее чем за сутки до назначенного митинга меня и остальных членов комитета созвали вдруг на экстренное совещание с чиновниками центрального управления советских профсоюзов. Их постороннее вмешательство в дела общественного комитета инсценировали по команде сверху: на совещании присутствовал сотрудник аппарата ЦК КПСС. Его подголоски-профбюрократы категорично заявили, что завтрашний митинг спешно отменен городскими властями Москвы якобы из-за «угрозы уличных беспорядков».

Всем участникам нашего комитета запретили появляться на митинге. Предотвратить его уже было приказано военизированной роте ОМОНа.

А мне отдельно от остальных активистов комитета сообщили: я должен по директиве некоей неназванной персоны из ЦК КПСС поки-

нуть созданный мною комитет. Или подвергнусь за противодействие «строжайшему наказанию».

Впустую оспаривал я отмену митинга. И под конец выкрикнул отказ повиноваться погромщикам моего комитета:

– Я член КПСС, но не раб ЦК КПСС!

– Тем хуже для вас, – прозвучало в ответ.

Неудобный властям общественный комитет распался.

И все же на следующее утро я отправился к пакистанскому посольству. Ведь митинг еще не успели отменить публично. Несведущие о том манифестанты вполне могли нарваться на дубинки бойцов ОМОНа. И мое отсутствие там уподобило бы меня полу-провокатору Гапону.

Студеным по-зимнему утром я подошел на Садовом кольце к тысячной толпе перед посольским особняком Пакистана. Людское скопище на затоптанном снегу разъяренно рокотало. Пронзительно верещали женщины, подняв руки с фотоснимками их детей, пропавших в Афганистане. Среди демонстрантов выделялись ветераны афганской войны в камуфляжных куртках и зеленых шапках. Над головами колыхалось на палках красное полотнище транспаранта: «Свободу нашим сыновьям!»

Толпа наседала на шеренгу милиционеров, стоявших плечом к плечу вдоль фасада посольства. Но стражи порядка не отпихивали и не гнали уткнувшихся в них плачущих матерей военнопленных. Жалость к ним сковала на сей раз драчливых штурмовиков ОМОНа. Они даже помогли мне взобраться на жестянку мусорного ящика и призвать митингующих утихомириться:

– Если вы повредите здесь пакистанское посольство, то стократная месть обрушится на наших солдат в плену!

– А ты что предлагаешь? – раздался выкрик.

– Не надо буяннить! – надрывался я. – Ваши сыновья и братья закованы цепями в тюремных ямах у афганцев. Орать поэтому бесполезно. Мы пришли сюда мирно уговорить пакистанцев передать их подопечным моджахедам нашу просьбу – пощадить родных нам пленников.

– А почему бездействует наше правительство? – загалдели в толпе. – Говори всю правду! Без обмана!

– Обманывать мне незачем, – ответил я. – Вчера вечером московские чиновники отменили с перепугу этот митинг.

– Сволочи! Подлецы! – загорланили отовсюду. – Что же нам делать? Как спасти ребят?

– Спасти их можете вы только сами! – выпалил я сгоряча. – Не надейтесь больше на наших чиновников. Берите ваше правое дело в свои руки. Создайте общенародный комитет за освобождение военнопленных.

Толпа одобрительно загудела. Однако не отпрянула ни на шаг от здания посольства и охранявших его милиционеров. Я был уже не в силах устранить нависшую угрозу рукопашного столкновения. От него, к счастью, избавил нас пакистанский посол Абдул Саттар.

Посол распорядился приоткрыть парадную дверь его резиденции и впустить внутрь меня и четверых отобранных мною манифестантов. Это были три матери военнопленных и молодой демобилизованный солдат афганской войны.

В кабинете посла солдатские матери, заплакав, упали перед ним на колени. Они умоляли его спасти их сыновей. Растроганный дипломат поднял рыдавших женщин и пообещал как-либо помочь.

Абдул Саттар сказал, что пакистанские власти не будут возражать против освобождения афганцами советских пленников. Он согласился передать главарям моджахедов в Пешаваре нашу просьбу о переговорах с ними.

Когда мы покинули посольство, я рассказал ждавшим нас демонстрантам о благородном поведении пакистанского посла и его обещаниях. Мои слова подтвердила посетившая посольство солдатская мать. Напряженность митинга спала. Толпа обмякла и начала редеть.

Офицеры милиции подошли ко мне пожать руку. Их командир-полковник приказал шоферу его «Волги» отвезти меня домой.

Тем не менее день спустя главный рупор ЦК КПСС газета «Правда» осудила подстрекателя самостоятельного митинга перед посольством Пакистана:

«Полной неожиданностью явилось заявление, прямо скажем, не очень сдержанное по форме, Ионы Андропова. Он сообщил о том, что «чиновники» якобы запретили митинг и что воинам-интернационалистам надо «брать» все в свои руки, ибо никто, кроме них самих, заниматься вызволением ребят из плена не будет».

Это был кремлевский сигнал моему начальству в «Литературной газете» расправиться со смутьяном в назидание его единомышленникам. И взяв под козырек, редактор «Литгазеты» выгнал меня из нее за «политическую невыдержанность» и «недопустимые призывы к толпе брать дело в свои руки».

Такой приговор означал изгнание с «волчьим билетом» из советской журналистики. До этого я был ее лояльным профессионалом на протяжении 30 лет. И ничего иного делать не умел. А, очутившись безработным, попытался пятькратно устроиться в разные редакции столичной прессы, но там везде по указке свыше отказывали мне в найме.

Чтобы совсем dokonать лишенца, влиятельный партаппаратчик и тогдашний верховод «Литгазеты» Юрий Изюмов предложил Комитету госбезопасности улечь меня в тюремную психбольницу. Но туда не пожелал засадить меня, как выяснилось позже, первый зампредседателя КГБ генерал Филипп Бобков.

Генерал-контрразведчик, будучи давним инквизитором всяческих диссидентов, преобразился, однако, в добряка по веской для него причине: его ведомство на том гуманном этапе «перестройки» выпускало из тюрем и психушек всех политзеков. Благодаря им повезло и мне, отнюдь не диссиденту, остаться на свободе.

Памятный 89-й год я прожил впервые вольготно, хотя и безденежно, на махонькие заработки внештатного репортера в захудалом московском журнальчике. Мои каратели больше не преследовали повергнутого изгоя. Их всевластие улетучилось. Они лишь цеплялись панически за свои чиновные посты и номенклатурные привилегии – льготные пайки деликатесной жратвы, бесплатные казенные лимузины, загородные госдачи, кремлевскую медобслужбу, курортные заграничьи на дармовщину.

Тем временем ко мне домой звонили беспрестанно по телефону незнакомые люди. Это были родственники военнопленных и соучастники прошлого митинга перед пакистанским посольством. Все они напоминали, как я призвал их на митинге создать народный комитет за спасение наших солдат из афганской неволи. Матери пленников настырно упрашивали возобновить прерванное дело. Они не верили мне, когда я отвечал, что бессилён им помочь по вине властей.

Запальчивость солдатских матерей была настолько страстной, что постепенно, словно мощный аккумулятор, воодушевила меня возобновить опять бунтарскую затею. Четыреста ее энтузиастов собрались февральским вечером 1989 года в зале районного дома культуры на Тишинке и учредили после моего выступления Народный комитет за освобождение советских военнопленных в Афганистане.

Костяк комитета составили приехавшие в столицу издалека матери узников моджахедов.

Через месяц я договорился с пакистанским послом Абулом Саттаром о повторном приеме им солдатских матерей из Народного комитета. Посол встретил заново несчастных женщин с неподдельной сердечностью. Он сказал, что сам в молодости попал в плен во время боев на индо-пакистанской границе и хлебнул сполна концлагерного горя.

Саттар взял у нас два письменных послания – премьер-министру Пакистана и эмигрантскому правительству моджахедов в пакистанском Пешаваре. Посол заявил, что рассчитывает получить согласие на приезд наших делегатов в Пешавар для встречи с лидерами моджахедов.

Но вслед за поддержкой пакистанского посла нам потребовалось преодолеть частокोल отечественных препятствий. Как убедить Вывозную комиссию ЦК КПСС разрешить выдачу заграничных паспортов опальному журналисту и делегации рядовых гражданок? Где раздобыть иностранную валюту на дальнейшее путешествие в Пешавар посланцев самодеятельного комитета?

Первую проблему с паспортами взялся уладить оказавший мне большую помощь секретарь правления Союза писателей СССР литератор Александр Проханов. Он был вхож в элитарные сферы советского истеблишмента.

Проханов многократно побывал на фронтах афганской войны и описал ее обильно в своих газетных репортажах и книгах. Он решил примкнуть к нашему Народному комитету и провести с нами поначалу некоторое время в Пакистане. Выдача нам заграничных паспортов – его заслуга.

А инвалютой снабдили нас двое администраторов Советского фонда мира – шахматный король Анатолий Карпов и его заместитель Владимир Маслин, депутат Верховного Совета СССР и мой давнишний друг.

Мои прежние недруги на сей раз как будто бы анемично затаились. Я счел это признаком позитивных перемен в их верхушке. Но ошибся наполовину.

Вскоре разузнал, что в Пакистане будут сопровождать делегацию Народного комитета четверо советских корреспондентов, которых загодя проинструктировали: в случае успеха переговоров с моджахедами не упоминать никак Андропова. Взамен предписали героизировать всячески аккредитованного в Пакистане советского посла Виктора Якунина, бывшего функционера ЦК КПСС.

Мелочное интриганство уязвило меня лишь слегка. Так или иначе игра стоила свеч. А злопыхатели проиграли по крупному; наперекор им 17 июня 1989 года мы вылетели из аэропорта Шереметьево спасать из афганского плена наших парнишек.

Летели с пересадками окольным маршрутом. Вначале на юг и далее на север: Москва – Ташкент – Карачи – Исламабад – Пешавар.

В Пешаваре мы поселились в отеле и принялись день за днем обходить штабы моджахедов. Снаружи их окружали высокие стены из бетона, колючая проволока, сторожевые вышки с часовыми и длинноствольными пулеметами. Нас впускали неохотно во внутренние казематы. Вожаки моджахедов с их вооруженной челядью не скрывали своей ненависти к русским пришельцам.

Мы были в глазах моджахедов безбожным отродьем кровожадного сатаны, убившего почти миллион афганцев советскими бомбами, ракетами, арснарядами, минами. Мы и впрямь олицетворяли тех, кто породил солдат-интервентов. От них сбежали на чужбину пешаварские моджахеды и еще пять миллионов их соплеменников. За все это они объявили против нас «джихад» – священную войну.

Перед вылетом из Москвы, предвидя пешаварскую негостеприимность, я попросил женщин нашей делегации запастись долготерпением и облачиться по-мусульмански в черные платья без оголения плеч, колен, рук до запястий. К тому же надеть черные чулки, туфли, головные платочки. А сам снимал ботинки до входа в комнаты штабов моджахедов. Почтительное соблюдение этикета фанатиков «джихада» все же не гарантировало от спонтанной вспышки злобы любого из них. Какой-нибудь афганский боевик, вспомнив убитого советскими солдатами брата, отца или друга, мог бы отомстить пулей либо ударом кинжала.

Наша первая встреча с моджахедами началась с того, что на подходе к их штабу кто-то оглушительно взорвал неподалеку от нас осколочный фугас. Мы чудом не пострадали. Поблизости двое пешаварцев были растерзаны в клочья. Но даже из-за этого мои спутницы не оробели. И потом ни разу не струсили.

Бесстрашие солдатских матерей в сочетании с их эмоциональным по-женски миролюбием изрядно помогло смягчить наши переговоры с предводителями моджахедов.

Мы посетили президента их повстанческого правительства Сибхатуллу Моджадеди и его министров Гульбеддина Хекматьяра, Саяда Гейлани, Бурхануддина Раббани.

Каждый из них имел свой отдельный военный штаб и командовал оттуда подчиненными только ему партизанскими отрядами на территории Афганистана. При таком сепаратизме каждый из наших пешаварских собеседников был независимым работодателем задержанных его бойцами советских пленников. Их освобождение мы выпрашивали раз за разом во всех доступных нам тогда штабах моджахедов.

Многосерийность изнурительной говорильни завершилась тем, что мы везде получили одинаковый отказ высвободить хотя бы единого нашего солдата. Даже так не пожелали моджахеды минимально ответить на полный вывод советских войск из Афганистана четыре месяца назад.

Антивоенную акцию СССР моджахеды самодовольно объявили своей боевой победой. И теперь спесиво поручили нам передать московскому правительству их ультиматум: они освободят наших солдат лишь при условии прекращения всех поставок советского оружия армии афганских коммунистов во главе с кабульским президентом Наджибуллой.

Ультиматум моджахедов воспринял я, востоковед, как азиатское обычное вымогательство, общепринятое тут в политике и на здешних базарах. Рыночный торгаш всегда требует нахально завышенную плату за его товар, а покупатель упрямо сбивает цену. Они спорят долго и горячо, божатся наперегонки именем Аллаха, бранятся и мирятся. Так уж заведено на Востоке. И точно так поступили пешаварские торговцы невольниками.

С ними поторговались и мы, добивались компромиссного доведения к их ультиматуму: до того, как Москва официально отреагирует на него, вожаки моджахедов согласились авансом обменять небольшую группу советских солдат на пойманных кабульскими войсками ратников «джихада».

Такой обмен мы не были способны сами осуществить без одобрения в Москве и Кабуле. Пришлось уехать из Пешавара ни с чем, надеясь вернуться вновь сюда, но уже не с пустыми руками. Утешало одно: наш комитет реализовал переговоры с моджахедами о забытых Кремлем военнопленных.

В Москве президент СССР Михаил Горбачев согласился по нашей просьбе направить личную телеграмму афганскому президенту Наджибулле с предложением освободить группу арестованных моджахедов в обмен на спасение советских военнопленных.

21 июля 1989 года военно-транспортный авиагрузовоз «Ил-76» доставил нашу делегацию в Кабул. Ежедневно воздушные гиганты «Ил-76» курсировали между аэродромами советских ВВС и афганской столицей. Ее осаждали моджахеды, а для отпора им армия Наджибуллы получала из СССР по авиамосту сотни тысяч тонн оружия, боезарядов, горючего для бронетехники. Население Кабула питалось лепешками из российской муки, нашими консервами, сахаром, маслом. Без всех этих поставок Наджибулла не смог бы долго обороняться.

Он принял нас во дворце прежних афганских королей. Помпезные интерьеры – тяжелая старинная мебель, сизый мрамор стен, бордовые ковры – придавали вальяжную внушительность полному президенту. У него было квадратно-мясистое лицо, густые черные усы, темные глазищи навывкате, как у породистого бульдога.

В разговоре со мной Наджибулла сверлил меня выпученными очами так пронзительно и зловеще, как будто на тюремном допросе. Такая странность была его хобби. Он до президентства возглавлял кабульскую полицию госбезопасности, сформированную первоначально офицерами советского КГБ. На пост президента продвинул его председатель КГБ Владимир Крючков.

Наджибулла уже получил телеграмму Горбачева, а посему изрек, что подарит нам 45 пленных воинов «джихада» для пешаварского обмена на наших солдат.

Диалог на ту же тему после аудиенции у Наджибуллы повторился позже на моей встрече с начальником кабульской госбезопасности генералом Гулямом Якуби. Но и эта беседа была лишь церемониальным предисловием к подлинно деловому сговору. Он состоялся в пригородном районе Кабула, где располагалось советское посольство. Там, на втором этаже, в кабинете за двумя звуконепроницаемыми дверями я повидался с глазу на глаз с шефом афганской резидентуры КГБ генералом Владимиром Павловичем Зайцевым.

Генерал Зайцев был негласным кукловодом всей кабульской знати, включая марионетку в экс-королевском дворце. Наместник КГБ вершил маскировочно в Кабуле наиболее важные дела. Включая даже тюремные. И потому он сам вручил мне поименный список арестантов, отсортированных его оперативниками для пешаварского обмена. Зайцев не поскупился:

– В списке 65 человек. Если потребуется – дадим еще хоть сотню. Ради обмена наших пленных, Иона, нам ничего не жалко отдать.

Только не обмишурьтесь в Пешаваре. Не отдавайте никого задарма. Обмен будет непростой задачей.

Спустя месяц я, побывав в Москве, вернулся со списком Зайцева в Пакистан. В его столице Исламабаде я решился на авантюрную выходку – напросился на прием у директора Интерсервис интеллидженс генерала Шамсура Каллу. Его военизированная служба госбезопасности, снабжая моджахедов американским оружием, держала их тем самым под своим контролем и вообще командовала ими зачастую. А я научился за многие годы зарубежной журналистики не шарахаться боязливо от акул шпионажа. Они, иноземные и свои, кишели вокруг меня повсюду. И не кусали тех, кто приспособился уживаться с ними.

Генерал Калу прислал за мной один из его служебных автомобилей. Меня привезли к зданию конторского вида за оградой из железных прутьев. Открыли металлические ворота. За ними стояли стражники и офицер, поджидавший меня. Он молча ввел посетителя в просторную комнату с канцелярской мебелью. Окна были наглухо зашторены. Помещение освещали электроторшеры.

Через минуту появился начальник спецслужбы – рослый пожилой мужчина в хлопчатом френче. Я принялся рассказывать ему о нашем общественном движении за спасение советских военнопленных. Изложил и план предложить вождям моджахедов обменять первую группу их пленников на бойцов «джихада» из кабульской тюрьмы. Для успеха обмена попросил генерала использовать его большое влияние на пешаварских моджахедов. Добавил, что это благотворно скажется на советско-пакистанских отношениях.

Генерал безмолвно смотрел на меня изучающим взглядом бесстрастных карих глаз. В них не было ни сочувствия, ни скепсиса, ни малейшего отражения его настроения или мыслей. Когда я выговорился, он негромко произнес по-английски:

– Ваш недостаток в том, что вы, европеец, плохо знаете афганских моджахедов. Смерть, любые бедствия, страдания в плену – это у них предначертанная Аллахом неотвратимость людской судьбы. Они набожные фаталисты. Им нужен от вас не обмен военнопленными, а прекращение поставок Кабулу советского оружия. Только ради этого они могут вернуть вам пару или тройку ваших солдат. Но остальных пока не обменяют.

– Так вы, значит, не поможете нам?

– Помогу немного, – сказал он. – Но не обещаю скорого осво-

бождения ваших пленных. Помогу вам лишь возобновить переговоры с моджахедами.

Он сдержал слово. По его указанию моджахеда в Пешаваре уполномочили министра их правительства Фарука Азама спланировать с нами детально первичный обмен военнопленными. Помимо Азама я познакомился в пешаварских штабах моджахедов с афганцем по имени Хамид Карзай. Он был политическим советником тогдашнего президента эмигрантского правительства моджахедов. Карзай отличался от большинства оголтелых проповедников «джихада» своей безвраждебностью ко мне, вроде бы советскому недругу,

Карзай был интеллигентен, всегда любезен, получил заграничное образование, легко изъяснялся по-английски. Его патриотизм и порицание московской политики в Афганистане совмещались с редкой осведомленностью обо всех новшествах в моей стране.

Помню, как Карзай разговорился со мной о начавшемся в Москве двоевластии – соперничестве Ельцина с Горбачевым. На сей счет Карзай полюбопытствовал:

– Зачем ваш Ельцин подстрекает национальные республики Советского Союза к суверенитету? Такое может развалить вашу страну.

– А вы печетесь о нашем благе? – рассмеялся я. – Вы же девять лет воевали насмерть против нас.

– Да, мы прогнали вас с нашей земли, – сказал Карзай. – Но мы не хотим, чтобы Россия перестала быть нашим северным соседом.

– Почему?

– Потому что наши соседи на юге и западе – Пакистан и Иран – намного мощнее нас и пытаются подчинить себе афганцев. А русские не позволят этого сделать.

В ответ я, недалековидный дуралей, постарался успокоить Карзая: Ельцин делает всего лишь вынужденные поправки нашим нерусским окраинам. Таким образом он гасит там тлеющие искры мятежей. Это сохранит нашу державу.

Моя честная глупость была микроскопической частицей бывшего доверия в России к Ельцину. Вскоре он расчленил наше великое государство за хмельным застольем в Беловежской пуще. А мой пешаварский разговор с умницей Карзаем примечателен, наверное, донныне кое-чем: Хамид Карзай стал президентом Афганистана.

Когда я общался с ним в Пешаваре, его непосредственный начальник – президент моджахедов Моджадеди – сообщил мне, что хо-

чет после моего отъезда послать Карзая в Москву для дальнейших переговоров с российским руководством. Крах СССР перечеркнул тот проект. Мы больше не соседи афганцев. В их геополитике наша значимость теперь сильно помельчала.

Феерический взлет Карзая к вершине кабульской власти произошел, как известно, в 2002 году на штыках американских войск. Они обрушились на Афганистан в отместку за укрывательство там знаменитого супертеррориста бен-Ладена, чьи камикадзе торпедировали небоскребы в Нью-Йорке.

Но у нас в России мало кто знает, что янки, атаковав Афганистан, десантировали туда в качестве нужного им правителя афганцев вовсе не Карзая. Его сегодняшнее президентство – удивительная случайность. Чему предшествовало убийство.

Кого убили и как – об этом ведаёт лучше меня еще один знакомый мне журналист. Но о том помалкивает, хотя был сообщником убитого, а потом выступал каждую неделю по нашему телевидению.

Он был одновременно со мной в Пешаваре. Прожил там намного дольше, чем я. Ошивался гораздо больше меня в штабах моджахедов. Они привлекали его за то, что он отъявленный антисоветчик.

Его родной язык – русский, а паспорт у него гражданина Канады. Московские журналисты дали ему кличку «Слишком шустер». Его фамилия действительно Шустер. Имя – Савелий. На телевидении зовется Савиком Шустером.

Телезвездный Шустер был весьма популярен в 90-х годах и раздавал газетчикам односторонние интервью о своих бурных похождениях. Про то, как он эмигрировал из советской Прибалтики в Израиль, переехал в Канаду к богатому дядюшке, а потом помчался за тридевять земель на афганскую войну помогать моджахедам партизанить против армии отвергнутого им отечества.

Шустрый попрыгунчик подвизался у моджахедов в разноликих лампуа – медика французской организации «Врачи мира», репортера американского журнала «Ньюсуик», парижской газеты «Либерасьон», итальянского журнала «Фригидер».

С 1988 года Шустер – сотрудник учрежденной вашингтонским ЦРУ радиостанции «Свобода». По совместительству, Шустер был в Пешаваре связником с крупным военачальником «джихада» Абдулом Хаком, завербованным разведкой министерства обороны США.

Среди вожаков моджахедов Абдул Хак сделался фаворитом американских разведслужб. Боевики Хака имели потайные гнезда в

горах близ Кабула и проникали по ночам в афганскую столицу. Там Хак сплел шпионскую паутину конспиративных ячеек. Каждая из них насчитывала лишь тройку лазутчиков и действовала отдельно от остальных во избежание провала всей сети подполья. Самоизолированные тройки агентов подчинялись только Хаку. Его приспешникам удалось просочиться в сердцевину правительства Наджибуллы – министерства госбезопасности, внутренних дел и войсковое командование.

Все рассекреченное Хаком в Кабуле он сообщал американцам. Они ценили его рапорты столь высоко, что пригласили Хака погостить в Вашингтоне. Хак удостоился приема в Пентагоне, госдепартаменте США, Белом доме и встретился с президентом Рональдом Рейганом. Тот даже распил с Хаком по бокалу вина и произнес тост:

– Мы выражаем наше почтение одному из храбрейших командиров афганских борцов за свободу – Абдулу Хаку. Мы с вами, Абдул Хак!

Опекавший Хака проворный Шустер провел с ним три месяца в Соединенных Штатах. Впоследствии бывший сослуживец Шустера на радиостанции «Свобода» Владимир Матусевич, уйдя в отставку, разоткровенничался публично:

– В 1987 году Савик Шустер сопровождал Абдула Хака в поездке из Пешавара в Вашингтон и обратно в Пешавар. Самое непостижимое, что Шустер организовал этот вояж и оплатил деньгами руководства «Свободы». Притом Шустер тогда еще не имел никакого отношения к радиостанции. Зато директор «Свободы», глава ее русской службы и его заместитель в ту пору были, как на подбор, из американских «органов». Причем они не аналитики, а оперативники.

Тремя годами ранее Шустер провернул не менее «непостижимую» махинацию вместе с Хаком и его диверсантами в Кабуле. Об этом поведал друживший с Хаком в Пешаваре корреспондент американской телекомпании Си-би-эс Курт Лоубек. Он издал в США книгу своих воспоминаний об афганской войне – «Священная война и нечестивая победа глазами очевидца секретной войны ЦРУ в Афганистане». Телевизионный мемуарист рассказывает:

«Советская армия оказалась своеобразной мишенью Абдула Хака. С помощью Савика Шустера, беженца из Литвы, были изготовлены фальшивые экземпляры советской армейской газеты «Красная звезда» и поддельные плакаты советских войск. Растиражированную газету подбрасывали солдатам советских гарнизонов в Кабуле и вокруг него. Плакаты наклеивали на стены домов по всему городу. Га-

леты и плакаты призывали солдат не подчиняться воинским приказам и дезертировать. Подобная дезинформация распространялась также с целью воспламенить фракционный раскол между афганскими коммунистами».

Вношу поправку: засылка в Кабул лже-советских газет и плакатов не была инициативой Шустера и Абдула Хака. Эту операцию разработали штабисты ЦРУ. Их наймиты из русско-эмигрантского «Народно-трудового союза» приехали, по моим сведениям, в Пешавар и попытались нарекрутировать среди советских военнопленных достаточно изменников для образования в Афганистане спецотряда солдат-перебежчиков по типу гитлеровских «власовцев». Однако афера провалилась.

Американская пресса разузнала в 2003 году, что ЦРУ получило в 1985 году директиву из президентского Белого дома подстроить в Афганистане массовое дезертирство из советских войск. ЦРУ дали задание на вербовать среди дезертиров десять тысяч бойцов, способных сражаться против их недавних советских соратников. Но эта несбыточная затея лопнула. Участником той безуспешной спецоперации и был наймит ЦРУ Шустер.

В дальнейшем руководство ЦРУ оправдывало свой афганский промах тем, что моджахеды изуверски пытали и убивали «каждых девятерых из десяти пленников». Оставляли в живых только тех, кто соглашался принять ислам, сменить русскоязычное имя на афганомусульманское и стать рабами для гомосексуальных утех моджахедов. За девять лет советского соучастия в афганской войне ЦРУ смогло выкупить у моджахедов лишь 18 военнопленных по цене 25 тысяч долларов за одного.

Спасенные мною из плена наши юные солдаты имели намалеванные по-женски темные глазницы и начерченные ресницы. В Афганистане гомосексуализм – распространенное явление.

В 1988 году, когда советские войска покидали Афганистан и оставляли часть их вооружения кабульским союзникам, Шустер прокрался из Пешавара на афганскую территорию под охраной моджахедов Хака. И занялся поиском бронетехники, брошенной кабульцами на полях сражений. Потом он хвалился, что ему удалось хорошенько осмотреть шесть бесхозных советских танков. Но кто же дал радиожурналисту столь специфичное задание?

Об этом можно догадаться со слов бывшего коллеги Шустера – упомянутого выше Матусевича:

– В начале 1988 года Шустер свалился, как снег на голову, на русскую службу радиостанции «Свобода». При этом новому сотруднику не потребовалось продемонстрировать профессиональную состоятельность, получить «добро» редакторов, пройти соответствующее оформление в отделе кадров. За всю историю существования «Свободы» так случилось лишь трижды. В начале 70-х годов перебежчик из СССР Владимир Марин был переведен на радиостанцию из американской шпионской школы в немецком городе Гармиш-Партенкирхен. В 1997 году на русскую службу радиостанции определили Евгения Новикова, потрудившегося также в Гармиш-Партенкирхене и оттуда отфутболенного ЦРУ на «Свободу». В ряду уникальных случаев, таким образом, и Савик Шустер. Сегодняшняя «Свобода» – инструмент психологической и дезинформационной войны. То есть воинское подразделение».

Все это сказано тоже антисоветским перебежчиком, живущим теперь в Вашингтоне. Матусевич проработал на радио «Свобода» более 20 лет.

Между тем неугомонный Шустер получил приказ перебазироваться с афганской войны далеко на север, в столицу нового американского друга Бориса Ельцина. Он самолично повелел открыть в Москве радиофорпост вашингтонской «Свободы». Туда назначили директором резидента Шустера.

Возвращенец проявил опять такую прыть, что даже ельцинисты газеты «Московский комсомолец» напечатали статейку, в которой радиоконтора неугомонного «Слишком шустера» была игриво названа как бы по-детски «песочницей ЦРУ».

Весной 2001 года Шустер изловчился в Москве внедриться в эпицентр российской прессы: он перескочил с американского радио на российские телеэкраны информационного концерна НТВ. Там главенствовал тогда административно выходец из США русскоязычный бизнесмен Борис Йордан. При его содействии Шустер заделался ведущим самых ударных политических телепрограмм – «Герой дня» и «Свобода слова». Злословие о нашей жизни с ядовитой примесью русофобии дурманило мозги телезрителей.

В 2005 году Шустер переместился из Москвы в Киев на украинское телевидение. Но в Москве и других больших российских городах орудуют в журналистике поныне бывалые сподвижники Шустера с американского радио «Свобода».

Осенью 2001 года ЦРУ активизировало давнишнего партнера Шустера – пешаварского моджахеда Абдула Хака. Его посетил 20

октября резидент ЦРУ в Пешаваре и обсудил с ним финальную подготовку к секретной операции, которую предстояло Хаку начать следующим утром.

До этого американские ВВС уже две недели бомбили непрерывно военные объекты в Афганистане, где власть захватили исламские сектанты талибы и пригретые ими арабские террористы под командой заклятого врага США бен-Ладена.

ЦРУ получило задание президента Джорджа Буша сформировать авангард наземного вторжения в юго-восточные районы Афганистана. К броску туда подготовили вертолетный спецназ ЦРУ и нанятых в Пешаваре афганских боевиков Абдула Хака. Ему полагалось первым сразиться с талибами. И только потом ЦРУ опасно запланировало послать вдогонку за Хаком своих спецназовцев – пулеметчиков, снайперов, подрывников, вертолетчиков.

Американцы снабдили передовой отряд Хака стрелковым оружием, телефоном космо-спутниковой связи и большим мешком сто-долларовых купюр для взяток старейшинам афганских племен. Использовать их алчность рекомендовали Хаку для возбуждения мятежей против талибов. А чтобы он не присвоил начинку мешка, присоединили к его отряду пару спецназовцев ЦРУ.

На пятый день афганского рейда Хак позвонил по походному телефону своим полечителям в Пешаваре. Хак истошно вопил:

– Я в капкане на дороге в горном ущелье южнее Кабула! Талибы впереди! Талибы сзади! Можете быстро помочь?

Немедленно два вертолета ЦРУ и самолет-ракетоносец вылетели спасать отряд Хака. Напавшие на него талибы были обстреляны и залегли в расщелинах гор по бокам дороги. Но с нее подобрали вертолетчики под огнем талибов только обоих американцев и полдюжины соратников Хака. Остальных талибы успели убить или пленить.

В тот же день талибы приволокли в Кабул связанного веревкой Хака, трех других пешаварцев и мешок с долларами. На городской площади показали толпе пленников и денежный трофей. Удалили Хака и его приспешников на виселице. А их трупы изрешетили пулями. Радиостанция Кабула объявила: «Американские шпионы казнены».

Все это я вычитал в некрологах о Хаке в газетах «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», журнале «Тайм». Они констатировали: «Абдул Хак считался некоторыми государственными деятелями

США потенциальным лидером низвержения талибов... Абдул Хак был драгоценным приобретением США... После смерти Абдула Хака нет больше у ЦРУ фигуры подобной значимости».

Однако три недели спустя ЦРУ раздобыло подходящего афганца на замену погибшего Хака. Фотоснимки дублера замелькали в американской прессе. Это был знакомый мне моджахед из Пешавара. Его фотопортрет в журнале «Тайм» имел весьма циничную подпись: «Хамид Карзай, оперирующий ныне с помощью ЦРУ».

Карзай спутался с ЦРУ, если верить американцам, отчасти по причине кровной мести талибам, убившим его 75-летнего отца. Братья и сестра Карзая обрели убежище в США и преуспели там в ресторанном бизнесе. А он отсиживался один у пакистанцев близ афганской границы, где резиденты ЦРУ соблазнили его сыграть заглавную роль их вассала в Кабуле после изгнания оттуда талибов.

Американский сценарий осуществился. Да только не полностью и временно: побежденные талибы все еще бандитствуют, ~~бандитствуют~~ а Карзай доиграет свою роль, быть может, по-афгански непредсказуемо. Ведь свободолюбие афганцев порушило уже немало чуждых им агрессивных сценариев – три британских и один советский...

Но вернемся, мой читатель, в Пешавар, к осенним дням 1989 года, когда я под конец шестинедельных переговоров с моджахедами добился-таки их согласия на первый обмен военнопленными. Полученный мною в Кабуле список их соратников для обмена вожаки моджахедов отвергли. Взамен они вручили их новый список из 33 имен.

Моджахедаы объявили, что они уже приволокли к афгано-пакистанской границе 20 советских пленников. Однако предупредили: отдадут сперва лишь двоих, чтобы проверить насколько честно мы рассчитаемся за пробный возврат нам пары солдат. За них надлежало освободить из кабульской тюрьмы 33-х арестованных поборников «джихада».

Неравночисленность обмена была обусловлена моджахедами беспепелляционно: если мы оспорим их требования, то не получим от них вообще никого. И с этим пришлось смириться. Советское посольство в Пакистане разрешило мне переключку зашифрованными радиопешиками с Москвой и Кабулом, откуда вынужденно одобрили обмен военнопленными на условиях моджахедов.

Список 33 кабульских арестантов, подлежащих отправке в Пешавар, имел поразительную особенность. В тот список включили

моджахеды только пятерых афганцев! Еще трое были арабами, а 25 – уроженцами Пакистана. Этот мозаичный ребус зеркально отражал закулисные зигзаги афганской войны.

Ее тыловой плацдарм на севере Пакистана был подвластен войскам тамошних генералов. А их ублажить моджахеды захотели в наибольшей степени при обмене военнопленными. Да и мне было выгодно отблагодарить за оказанную помощь директора пакистанской госбезопасности генерала Каллу, чьими агентами оказались 25 пакистанцев в кабульской каталажке.

Вместе с тем кабульская тройка пленных арабов – иорданец и двое из Саудовской Аравии – стали подарком моджахедов новоселу Пешавара саудовцу Усаме бен-Ладену. Он, баснословный богач и воспитанник воинственной секты ваххабитов, прожил в Пешаваре пять лет, подружился с местными оперативниками ЦРУ и покупал для моджахедов самое дорогостоящее и дефицитное оружие американцев, включая ракеты «Стингер».

С 1984 года бен-Ладен приступил к вербовке и доставке на свои деньги в Пешавар сотен матерых террористов-мусульман из Египта, Алжира, Ливии, Йемена и прочих арабских стран. Головорезы саудовского ваххабита совершали боевые вылазки в приграничные области Афганистана. Мне довелось побывать во время войны в афганских провинциях Пактия и Нанграхар, где разбойничал бен-Ладен с его шайками. Их вытурили оттуда советские десантники.

На западной окраине Пешавара бен-Ладен обустроил штаб в солидном особняке современной постройки на улице Саид Джалалуддин Афгани. Логово арабских террористов именовалось Бейт аль-Ансар – «Дом правоверных». Это был зародыш нынешнего глобального спрута терроризма аль-Каиды, то бишь «Базы».

В пешаварской базе бен-Ладена с ним сотрудничал иорданский ваххабит по имени Хабиб Абдул Рахман, он же Хаттаб, он же «Черный Араб». Этот вояка афганского «джихада» 14 лет спустя бесчинствовал и очутился в российской Чечне.

При моем обходе пешаварских штабов моджахедов не было никакого смысла соваться в «Дом правоверных» бен-Ладена. Он не имел ни одного пленного нашего солдата. Закоренелые убийцы бен-Ладена, обезоружив какого-либо «неправоверного», сразу же подвергали его садистской мясорубке.

На исходе октября 89-го года я отправился в Москву синхронизировать там одновременность выхода на волю пешаварских и кабуль-

ских узников. Ранее в Кабуле я побывал в представительстве Международного Красного Креста. Его сотрудники-швейцарцы согласились вывезти на их самолете 33 эвакуанта из местной тюрьмы.

А в Москве министр обороны маршал Язов дал нам для многочасового полета воздушного старикашку – тихоход АН-26. В нем из-за отсутствия туалета поставили обыкновенное ведро и зашторили узенькой тряпичной занавеской. Ну, разве позабудешь такую трогательную маршальскую заботу?

Малокомфортность длинного перелета в Пакистан не подорвала, однако, радостного настроения моих спутников. Их было шестеро: отец пленного солдата Алексей Амелин, трое солдатских матерей и две приглашенные нами из Украины и Белоруссии деревенские жительницы – Валентина Афанасьевна Проколчук и Мария Николаевна Лопух. Им обеим повезло больше всех. Только их сыновей пообещали отдать нам пешаварские моджахеды.

Первичное освобождение пары советских военнопленных привлекло в Пешавар полторы сотни пакистанских и западных журналистов. Они скопились на дворе главного штаба президента моджахедов. Репортеры держали наготове телекамеры, фотоаппараты, магнитофоны и пихали всех бесцеремонно, когда моджахеды вывели на двор двух бледнолицых парней в здешних долгополых рубахах и шароварах.

Женщины метнулись к сыновьям, обняли их, целовали, расплакались от счастья и пережитой разлуки. Эти мгновения восторга и слез фотографировали со всех сторон, а потом запечатлели в телекадрах и газетных снимках по всему свету.

Утром следующего дня мы вылетели в Москву на антикварной тархтелке ВВС маршала Язова. Обнаружилось, что он предусмотрительно приказал выдать на обратном пути репатриантам из афганского плена по комплекту солдатского обмундирования – пехотный бушлат, штаны, шапку со звездочкой, кирзовые сапоги и портянки. Вчерашние пленники послушно переоделись, чтобы предстать перед московской публикой и прессой бравыми армейцами. Молодец, товарищ маршал! Ура!

Продолжительный полет позволил мне подробно расспросить Валерия и Андрея об их пленении. Оно оказалось совсем негероичным.

Тщедушный и низкорослый Андрей рассказал, как более сильные солдаты-сослуживцы постоянно колошматили его ради забавы, а он

убегал из казармы от побоев и прятался поблизости на арбузной бахче, где был пойман моджахедами. Они сцапали и Валерия тоже без его сопротивления, хотя он, в отличие от Андрея, был вооружен автоматом и дежурил на гарнизонном посту, но заснул там, как признался мне, выкурив афганскую сигарету табачного наркотика «чарс».

Оба солдата в плену у моджахедов быстренько стали мусульманами, чтобы спастись от пыток и казни. А перед нашим отлетом в Москву они выбросили при мне полученные от моджахедов исламские молитвенники.

Общее впечатление от обоих солдат разбередило мою совесть на подлете к Москве: я вез туда тех, кто был недостоин предстоящего им столичного чествования.

Такие мои самотерзания участились впоследствии, когда судьба свела еще с десятком выходцев из афганского плена. Большинство из них, измученных «дедовщиной» в своих гарнизонах, бежали куда глаза глядят и стали легкой добычей моджахедов. Меньшинство попало в плен, очумев от сигарет с наркотой. Уцелевшие в плену приняли ислам, ремонтировали для моджахедов трофейное советское оружие, были домашней прислугой и педоналожниками. А иных непокладистых невольников моджахеда всегда уничтожали.

Ничего этого не знали москвичи, встречавшие с букетами красных роз Андрея и Валерия в аэропорту «Домодедово». А я успокоил себя тем, что все же помог хотя бы двум пострадавшим матерям вернуть их сыновей, неотважных и малодушных, но зато живых.

Из аэропорта нас привезли в Фонд мира на пресс-конференцию. Там долго расспрашивали и фотографировали. На другой день люди на улицах узнавали и поздравляли Андрея и Валерия, которым я показывал столицу. Ее они прежде не видели. Наша экскурсия закончилась традиционно – на Красной площади перед Спасской башней Кремля. Через сутки парни разъехались с матерями по их деревням.

На прощанье Андрей сказал мне, что будет жить в родной белорусской деревне Гречихе и намерен поработать, как и прежде, трактористом. Спустя год он сообщил по телефону, что встретили его односельчане по-хорошему, он женился и ждет рождения первенца.

Валерий перед отъездом из Москвы поделился более амбициозными замыслами. Он спланировал побыть недолго у матери в их житомирском селе, а потом хотел уехать в Киев и поступить в университет на отделение востоковедения. Валерий в плену освоил афганское

наречие пушту. Это могло бы, как он рассуждал, поспособствовать его приему в киевский университет. Он задумал выучить арабский язык и потом устроиться на государственную службу за границей.

В те дни резко изменилась и моя жизнь. Начатое мною общественное движение за спасение военнопленных приобрело широкую известность, благодаря чему меня избрали весной 1990 года народным депутатом России, членом Верховного Совета, заместителем председателя парламентского комитета по международным делам. В своем новом статусе я продолжил переговоры о наших пленных солдатах, совершив еще семь путешествий в Пешавар и Кабул.

Мой альтруизм завершился 4 октября 1993 года, когда я лежал на полу под градом осколков раздробленных пулями окон парламентского «Белого дома». Он был охвачен пожаром и дрожал от артрасстрела из танков по приказу Бориса Ельцина.

Так я очутился опять безработным отщепенцем. Вслед за разгромом парламента моя безработица растянулась на 18 недель серой скуки от безделья. И потому запомнилось, как в феврале 1994 года появился в Москве и пришел ко мне домой бывший пешаварский пленник Валерий Прокопчук.

Мы не виделись четыре года. И стали иностранцами по прихоти удельных князьков распавшейся державы. Мне было неизвестно, как сложилась жизнь подкидыша афганской войны на «незалежной» Украине. Приютил ли его киевский университет? Сбылась ли мечта Валеры о студенческой учебе?

Но эти вопросы отпали мгновенно как только Прокопчук переступил порог моей квартиры. На нем была коричневая кожаная куртка и шерстяная черная шапочка, надвинутая до бровей. Под ними вместо знакомых мне глаз я увидел две бесцветные ледышки, какие-то нелюдские и смертельно опасные. Его лицо – нос, скулы, подбородок – заострились тоже угрожающе. Весь его облик был подобен пружинистому силуэту притаившейся рыси перед убийственным прыжком.

Валерий, глядя на меня, понял, что я догадался – кто он такой теперь. Тем не менее я непринужденно пригласил его почаевничать. Моя жена дала нам к чаю хлебный батон, сыр и колбасу. Скудность застолья я объяснил гостю тем, что пока не имею заработка после разгрома российского парламента. Выслушав меня, сотрапезник понемногу разговорился и о своих злоключениях.

Он, по его словам, вернулся из плена в родные края, женился, обзавелся дитятей и потому не смог заняться университетской уче-

бой, так как ради прокорма семьи устроился в охранную частную фирму. Однако затем ему пришлось, бросив жену и ребенка, сбежать из Украины.

– Почему? – спросил я.

– Не поладил с милицией, – проворчал он.

– По какой причине?

– Да так получилось, что я стал боевиком.

– Чьим боевиком?

– Сейчас у братвы в Кировской области.

– А зачем явился в Москву?

– Тут я проездом. Вечером уеду на поезде в Тверь. Там у одного фраера надо мне выбить долг. Потом вернусь с деньжатами обратно в Киров.

Вот так впервые я запросто беседовал за чашкой чая с откровенным бандитом, которого вызволил из афганского плена с наивной надеждой осчастливить этого парня, его мать, их родню и заодно самого себя. Неисповедимы пути Господни! Или проделки дьявола?

Продолжая чаепитие с гангстером, я узнал от него, что он не только, по его выражению, «вышибает долги», но и вдобавок «с кировской братвой воюет против татарской мафии». Насчет количества трупов он не обмолвился. А я полюбопытствовал:

– Орудуете прибыльно?

– По-разному, – усмехнулся он. – Задания у меня сдельные. Иногда доходные. Иногда копеечные.

– Но ведь ты плохо кончишь! Не лучше ли тебе образумиться?

– Есть такие мысли, – кивнул он. – И планчик уже созрел. Хочу уговорить братву вложить бабки из нашего общака в легальный бизнес – фонд помощи ветеранам афганской войны. Под такой законной крышей нашу малину никто не обложит налогами. А если мой план сорвется, то я слиняю за бугор и вербанусь у французов в их Иностранский легион. Там в первый год службы платят 300 долларов ежемесячно, но зато дальше – 600. Хотя рассказывают, что муштра в легионе очень крутая и за малейшее неповиновение – карцер.

Понапрасну, выходит, я вытащил Валеру из преисподней чужеземной войны. Его влекло туда вернуться и убивать за инвалитку кого попало.

Он сказал перед уходом:

– Если вы, Иона Ионович, встрянете здесь вдруг в новую заваруху с перестрелкой, то я смог бы вам пригодиться.

Моя жена импульсивно вмешалась.

– А вы, Валерий, во время недавнего штурма парламента сражались бы на чьей стороне?

– Ну, это потребовалось бы по-деловому обмозговать, – ответил он уклончиво.

Смысл его ответа был достаточно ясен, ибо я уже видел таких, как он, в треклятый день штурма парламента.

Ранним утром 4 октября 1993 года гулкий залп пулемета размотил вдребезги оконные стекла моего парламента кабинета. Я подполз к подоконнику и выглянул наружу. Внизу на мостовой три бронетранспортера харкали пулеметными струями. Перед броневиками лежали на асфальте окровавленные тела безоружных людей. Мертвецов было не менее полусотни.

На панцирях бронемашин сидели необычные штурмовики – одетые штатски мужчины в черных кожаных куртках и спортивных брюках. Они палили из разномастного оружия – короткоствольных карабинов, армейских автоматов, помповых ружей. Неужто, обомлел я, атакуют нас какие-то наемники? Кто они?

Но это выяснилось не сразу. Разгадке предшествовало десятичасовое побоище. Передовых штурмовиков сменили регулярные войска пехоты, мотоартиллерии и танков гвардейской Кантемировской дивизии. Они изрешетили здание парламента, подожгли его, захватили, убили множество противников путча и свезли их останки ночью в подмосковные крематории. А остальных нас пленили, били, допрашивали и снова били.

Из отечественного плена я сумел удрать и спрятался вне дома столь затаенно, что московские газетчики напечатали байку о моем расстреле и даже похоронных поминках. Тогда же разгласила пресса и достоверный факт: начать штурм парламента поручили кремлевские путчисты их спецотряду Союза ветеранов афганской войны во главе со знакомым мне подполковником Александром Котеневым.

Авангардный отряд Котенева был невелик: всего лишь сотня душегубов. Но они обладали уникально-карательным навыком, который отсутствовал у прочих солдат – еще необстрелянных, некровожадных и непривычных к массовым расстрелам гражданского населения. А к этому пристрастились в Афганистане сообщники Котенева. Их приучили безжалостно громить мятежные кишлаки афганцев и убивать там всех подряд без разбора. Таким же показательным палачеством они психически воздействовали на неопытную солдатню, получившую приказ перебить защитников парламента.

Накануне штурма президент Ельцин вызвал командующего московским округом внутренних войск генерала Аркадия Баскаева и высказал ему пожелание уничтожить скопом оборонявших парламент:

– В капусту их всех, в капусту!

После штурма Ельцин подписал указ о награждении соотрядников Котенева медалями «За личное мужество». А потом президент воспретил Генеральной прокуратуре России передать в суд следственное «Дело о расстреле котеневцами 30 пленных».

Это московское эхо афганской войны сегодня предано забвению. У нас не принято на ежегодных слетах афганских ветеранов в Кремле упоминать вслух о грязной изнанке последней нашей советской интервенции. Ее орденосные генералы и офицеры произносят пафосные речи о былых подвигах, славят почивших фронтовиков, вносят в кремлевский зал боевые знамена, устраивают астрадные концерты попсовых певцов.

Да и мне до сего дня не хотелось письменно сознаться, что был свидетелем стычки советского спецназа с моджахедами возле города Джелалабада и присутствовал при расстреле четырех пленных афганцев.

Но ведь что было, то было. Не только моджахеда зверски казнили иноземных пленников. Мне известен такой случай: наши армейцы связали пленного моджахеда, заволокли его в вертолет и выбросили на большой высоте. Офицер-десантник Леонид Паршуков бесстыдно рассказывал, что его подчиненные «мочат» пойманных моджахедов.

Три прихвостня московской команды подполковника Котенева, отвоював в Афганистане, были арестованы российской милицией за обнаружение у них при обыске коллекции «амулетов» – отрезанных человеческих ушей.

В пору моей первой афганской командировки, в 1981 году, служили в Кабуле два офицера, сделавшие позже головокружительные карьеры. Старший лейтенант КГБ Александр Коржаков был причислен к наиболее важной группе охраны центра города и развлекался в свободное время волейболом с офицерами дислоцированного в Кабуле советского полка воздушно-десантных войск. А в том полку ВДВ устраивали также еще одно азартное игрище: десантники состязались между собой, дубася кулаками и сапогами пленных моджахедов. Выигрывал тот, кто забивал свою жертву насмерть наименьшим числом ударов.

Командовал кабульским полком ВДВ Павел Грачев. Общавшийся с ним в афганской столице офицер-генштабист Виктор Баранец ныне рассказывает, что будто бы полковник Грачев собственноручно угробил десяток пленных афганцев.

Еще похлеще отличились Грачев и Коржаков при московском погроме парламента. Оба уже были генералами. Главный телохранитель президента Коржаков подсказал Ельцину как быстрее доконать парламент броней танков прямой наводкой. А министр обороны Грачев взялся лично командовать пальбой танкистов и подзадоривал их матерными выкриками во всю глотку:

– Ну-ка, еб...те туда как следует!

Помню появление Коржакова, когда под конец агонии парламента нас пленили спецназовцы КГБ и конвоировали к выходу из горящего здания. В те несчастные минуты ликующе-мордастый Коржаков и его дюжие охранники подбежали резво к нашей понурой толпе, чтобы выхватить из нее побежденных руководителей отпора кремлевскому путчу – Руслана Хасбулатова и Александра Руцкого. Их уберегло от физической расправы только обилие вокруг них пленных депутатов и солдат-конвоиров. Впоследствии Коржаков проговорился московским газетчикам:

– Я не исполнил указание Ельцина «замочить» Хасбулатова и Руцкого в девяносто третьем году.

Девятилетняя «мочилка» на афганской войне превратила в убийц конечно вовсе не всех ее ветеранов. Но многие навсегда ожесточились, одичали, прогнили морально.

Повсеместно в наших гарнизонах солдаты крали и продавали лавочникам афганских базаров похищенное военное имущество – авточасти, бензин, казарменную посуду, обувь, белье, складские боеприпасы. Процветали солдатская наркомания и мародерство. Офицеры отсылали домой контрабандные авиагрузы тюков с дубленками, коврами, джинсами, мехами для дамских шубок. Политруки талдычили о «нашей интернациональной помощи афганскому народу», однако сами они и другие офицеры воевали за денежную получку так называемых «чеков», эквивалентных инвалюте.

Один из тех «чековых» политруков, пузатый толстяк, встретился мне в Москве через несколько месяцев после вывода советских войск из Афганистана. Там прослужил политрук лишь пять месяцев в тыловых штабах, уволился в армейский запас и занялся предпринимательством. Деяга изобрел методику паразитирования на госсубсидиях.

Для этого он вовлек подобных ему соучастников закордонного похода в организацию разветвленной сети коммерческих и охранных заведений с финансовой подпиткой из министерства обороны и КГБ.

В период моего московского знакомства с объединителем афганских ветеранов подполковником запаса Котеневым он получил в 1989 году именную пистолет от председателя КГБ Владимира Крючкова. Офицеры КГБ подключились к полувоенизированному бизнесу созданного Котеневым «Союза ветеранов Афганистана» (СВА).

Это вроде бы добродетельное сообщество взаимопомощи опекали также министр обороны Язов и его заместитель генерал Валентин Варенников. Незадолго до безуспешного мятежа ГКЧП маршал Язов сболтнул неосторожно столичным журналистам:

– Мне нужны люди, которых я в любое время суток смогу за час поставить под ружье.

Таково было изначально подлинное предназначение «Союза ветеранов Афганистана». Но им не успели воспользоваться нерасторопные и бестолковые зачинщики ГКЧП. Крючков, Язов, Варенников в августе 1991 года очень быстро угодили в тюрьму, а их выкормыш Котенев моментально переметнулся к новым хозяевам Кремля.

Боевитая дружина СВА понадобилась ближайшему помощнику Ельцина – государственному секретарю Геннадию Бурбулису. Он предвидел смертоносную развязку конфронтации царевластного президента с парламентской оппозицией. Бурбулис загодя пригласил Котенева и назначил бывшего политрука «советником правительства Российской Федерации». Это знаковое событие диагностировала верно в 1992 году московская «Независимая газета»: Ельцин обзавелся прозапас «афганской королевской ратью».

Год спустя рать умельцев «мочить» по-афгански возглавила штурм нашего парламента.

«Мочили» они своих земляков не за президентские медальки, за валютный бакшиш с колоссальной предоплатой. Ельцин, с подачи Бурбулиса, издал в 1992 году президентский указ № 362 о безвозмездном снабжении котеневского СВА сырьевыми товарами на экспорт. Первая порция кремлевской взятки Котеневу состояла из 150 тысяч тонн нефтепродуктов и минеральных удобрений, 40 тысяч кубометров лесоматериалов, 10 тысяч тонн цветных и черных металлов.

Все эти тысячи тонн общенародного достояния Ельцин преподнес своим афганским опричникам для продажи иностранцам без вы-

чета налогов, таможенных пошлин и без рублевой обналочки инвалидой прибыли. В итоге только первая подачка Ельцина котеневцам обогатила их на 50 миллионов долларов.

А после штурма парламента Котенев, как обнаружили его дружки, нахапал себе такую гору деньжищ, что испугался зависти собственных компаньонов и укатил от них с капиталом в соблазнительно-заманчивый Париж.

Коварный побег Котенева взбесил московских ветеранов «афганцев». Но вместе с тем все обошлось бескровно: среди котеневцев угасла склочная грызня из-за дележки уже опустошенной мощны «Союза ветеранов Афганистана».

Бразды правления СВА перехватил в 1994 году без внутренней драчки прежний заместитель Котенева полковник запаса Франц Клинецевич. Он тоже бывший политрук. У него трехлетний афганский стаж. И хотя Клинецевич получил на войне стальную закалку в штурмовых бригадах ВДВ, он продемонстрировал в послефронтовых делах дома бесскандальное спокойствие прозорливого бизнесмена. Клинецевич перенацелил своих «афганцев» на внедрение в прибыльную торговлю ширпотребом. Оттуда потеснили мафиозных рзкетиров силовым напором, но без шумного отстрела.

Через пару лет собратья Клинецевича овладели дюжиной вещевых рынков в столице и Подмоскowie. В Москве вещевой рынок близ метростанции «Кузьминки» стал подвластен афганской когорте Клинецевича. Сам он, будучи белорусом, неофициально добился согласия президента Белоруссии на беспoшлинную транспортировку западноевропейских изделий для российских барахолок «афганцев».

Однако деловитый тихоня Клинецевич оседлал такого тигра, который уже вкусил людской крови и никак не мог перевоплотиться в смиренного вегетарианца. Пока Клинецевич наводил порядок в своем ветеранском союзе, московская милиция арестовала полтора десятка профессиональных преступников – «афганцев». Им инкриминировали заказные убийства, грабежи, уличный бандитизм, захват и пытки заложников с целью вымогательства выкупа, нелегальную распродажу стрелкового оружия, взрывчатки, наркотиков.

Наибольший беспредел учинила свора «афганцев», отделившихся от «Союза ветеранов Афганистана». Раскольники создали и юридически зарегистрировали еще одно ветеранское сообщество под названием «Фонд инвалидов войны в Афганистане» (ФИВА). За этой благостной ширмой сплотилась вперемешку с «афганцами» группировка невоевавших нигде мошенников.

Учредители ФИВА выпросили в Кремле государственную лицензию на экспорт промышленного сырья без пошлин и налогов ради якобы помощи армейским калекам. Но тем не досталось почти ничего. Озолотились штабники ФИВА и принялись вместо полюбовного раздела добычи убивать друг друга.

В пиратской битве погибли поочередно три председателя злочастного «Фонда инвалидов». Одного из них – Михаила Лиходея – похоронили на столичном Котляковском кладбище. Там же уцелевшие лиходейцы устроили коллективные поминки 10 ноября 1996 года, но как только они разлили водку по стаканам, у них под ногами взорвалась мощная мина. Она умертвила 13 человек и ранила 26. Взрыв трех килограмм тротила расшвырял по кладбищу ошметки трупов в радиусе 300 метров и образовал полутораметровую воронку с лужей крови на дне.

Судебное разбирательство кладбищенской бойни затянулось на семь лет. Сперва на скамье подсудимых сидели трое уличенных убийц. Потом их зачем-то выпустили из-под стражи и заново принялись судить единственного минера. Второй тем временем скончался в подстроенной ему автокатастрофе. Третьего поймали позже. Все они ветераны афганской войны.

Подозреваемый убийца Андрей Анохин отслужил в Афганистане бойцом диверсионного спецназа и освоил тогда минную технологию. Он покаялся на предсудебном следствии, что сам заложил на Котляковском кладбище тротильную мину с дистанционным управлением и взорвал ее.

Анохин назвал заказчиками взрыва двух управленцев «Фонда инвалидов». Первый из них еще до суда был кем-то застрелен, второй – полковник Валерий Радчиков – тоже вскоре погиб. Но полковник незадолго до смерти отверг предъявленное ему обвинение и сказал на суде:

– Из материалов следственного дела мне известно, что Клинецвич еще весной 1996 года знал о готовящемся покушении.

На суде прозвучало также заявление минера Анохина:

– Я работал прежде водителем у председателя «Союза ветеранов Афганистана» Франца Клинецвича и получал пятьсот долларов в месяц.

Однако судьи и следователи не обнаружили ничего, порочащего Клинецвича. Он был, как выяснилось, приглашен поучаствовать в роковых поминках на кладбище, но не пришел туда из-за болезни.

Иначе быть бы и ему, наверное, в могиле. Его ветеранское содружество будто скорпион жалит убийственно само себя.

Взрыв на Котляковском кладбище детонировал цепную реакцию анонимных нападений на приверженцев «Союза ветеранов Афганистана». Неуловимые снайперы подстрелили в северо-восточном округе столицы тамошнего администратора СВА. Другого сотрудника Клинецевича продырявили в Замоскворечье автоматной очередью из подъехавшего к нему и умчавшегося автомобиля.

Вслед за взрывом на московском кладбище какие-то бандиты в провинциальной Пензе тоже решились взорвать двумя гранатами дом председателя местного филиала СВА Виктора Гулузинского. Он выжил. Но пензенская милиция, обследуя его апартаменты, нашла у него под полом замурованный в цементе скелет убитого мужчины. И потому главный «афганец» Пензы был арестован.

Следующий арест обезглавил в Архангельске региональное отделение «Союза ветеранов Афганистана». Председатель объединения архангельских «афганцев» Алексей Пята был приговорен судом к четырехлетней отсидке в тюрьме за криминальное сокрытие доходов от перепродажи спиртных напитков из Молдавии. До этого Пята уже заляптал себя судимостью за хулиганский мордобой, но сумел избежать тюремного наказания. Навострил он пятки и повторно: сбежал, как фокусник, прямо из зала архангельского суда и прятался где-то очень укромно.

В пору побега везунчика Пяты весной 1988 года худшая доля выпала его коллегам в автограде Тольятти. Там словно черт внушил на 13-ый день апреля десятерым заводилам городского «Союза ветеранов Афганистана» собраться в их офисе на улице Юбилейной. Туда к ним вломились четверо автоматчиков и расстреляли в упор безоружных «афганцев». Милицейское начальство Тольятти мотивировало кошмарную расправу тем, что погибшие пытались конкурировать с мафией, которая монополизировала принудительные поборы со всех торговцев автозаводскими «жигулями».

Преступный автобизнес подкосил также в сибирском Томске областное подразделение «Союза ветеранов Афганистана». Его пятеро руководителей были преданы суду за разбой, организацию банды и захват чужого имущества. Томские «афганцы», вооружившись пистолетами, выслеживали владельцев дорогих машин иностранного производства, набрасывались на них в безлюдных местах, избивали и запугивали пальбой, отбирали иномарки. Некоторых богачеев похищали и требовали за вызволение долларовой многотысячный выкуп.

Провинциальные воеводы СВА столь люто разбуянились, что очередной суд над ними в Екатеринбурге привлек туда из Москвы их озабоченного попечителя Клинцевича. К его приезду местные «афганцы» успели последовательно укокошить трех своих же командиров и одного матерого воротилу туземной мафии.

Причина всех убийств была в Екатеринбурге общеизвестна: тамошние лидеры «Союза ветеранов Афганистана» сначала вытурили рэкетиров мафии с крупнейшего в городе вещевого рынка «Таганский ряд», затем обложили рыночных продавцов денежной данью, а ради ее единоличного захвата сразились насмерть и погибли два областных председателя и казначей СВА. Их наследство досталось самому живучему стрелку Евгению Петрову, отвоевавшему в Афганистане пулеметчику.

Прокуратура Екатеринбурга кропотливо расследовала пять лет убойной деяния Петрова, ставшего областным председателем СВА. И, наконец, летом 2000 года его арестовали и отдали под суд. Прокуроры потребовали приговорить Петрова к 11-летнему тюремному заточению.

Прилетевший в Екатеринбург всероссийский председатель СВА Клинцевич публично обелял подсудимого:

– Я давно знаю Евгения и могу сказать, что это очень честный человек.

Судилище «очень честного» пулеметчика продолжалось целый год. Арестованный вместе с ним его пособник – «афганец» Юрий Крестьянников – был приговорен за убийство к восьми годам в тюрьме. Отдельно присудили 17 тюремных лет уволенному заму председателя областного СВА Сергею Ознобихину за убийство им другого маститого «афганца». А заглавного стрелка Петрова отпустили на волю! Почему?

Разъяснение почерпнул я из московских газет: «Перед выборами президента России весной 2000 года Петров стал в Екатеринбурге одним из закоперщиков местного актива послушной Кремлю партии «Единство». Петров энергично поддерживал кандидатуру нынешнего президента. Для этого Петров использовал всю мощь своей организации. Он обеспечил кремлевскому кандидату высокий процент голосов областных избирателей».

В Екатеринбурге прокуратура опротестовала кассационно в Верховном Суде России неправомерное освобождение захватчика центрального рынка города. Там, как и раньше, Петров хозяйничал и со-

бирал обильные подати. Разъезжал в импортном «Ауди А-8». Бражничал в шикарных ресторанах. Насмешливо называл протест прокуроров «бесперспективным».

Между тем в Государственной думе России предоставили депутату Клинецвичу на редкость просторный кабинет и примыкающий к нему приемный зал с оконным видом на проспект фешенебельного Охотного ряда. Большинство остальных депутатов размещено в маленьких комнатах с окошками во двор или неприглядные закоулки.

Но ведь Клинецвич не рядовой депутат. Он член президиума Политсовета партии «Единая Россия», заместитель руководителя госдумской фракции правящей партии «Единая Россия», первый зампред думского Комитета по делам ветеранов, глава Центрального совета сторонников «Единой России».

Клинецвич занимает также иные властные посты. И они у него сегодня как бы стартовые ступени карьерной лестницы, ведущей наверх все выше и выше.

Столичные журналисты как-то спросили Клинецвича – за что он воевал в Афганистане, за что сгинули там 14 тысяч наших парней, за что мы непростительно пожертвовали юными солдатами в афганском плену?

– Ни за что, – ответил правдиво Клинецвич. – Это мы теперь понимаем.

Концовка моей афганской эпопеи, сугубо личной, датирована 15 октября 1995 года. В тот день у меня дома задребезжал звонок наружной двери. Приоткрыв ее, я увидел незваного гостя – пешаварского освобожденца из плена Валеру Прокопчука. После его первого прихода ко мне полтора года назад он совершил рассердившую меня пакость, но я все же вновь впустил Прокопчука в свою квартиру.

Ранее он, побывав у меня в предыдущем году, нанес внезапно второй визит через несколько недель. Тогда я оказался в отлучке вне дома, а там находилась только моя жена Валентина. Она сказала Прокопчуку, что меня здесь нет, но он вошел в нашу квартиру, уселся на диване и потребовал дать ему немедленно «взаймы» 300 долларов.

Валентина возразила:

– У нас нет лишних денег. Мы живем без накоплений от полочки до полочки.

– Есть, значит, у вас наличные бабки, – сказал Прокопчук. – Наскробите для меня 300 баксов. Сейчас. Я тороплюсь. Я должен срочно свалить за бугор. Не хватает 300 баксов на дорожные расходы.

Валентина встревожилась. Пожалела, что впустила в квартиру мафиозника. Сообразила, что мое отсутствие усиливает его настойчивость. Почувствовала, что он твердо намерен добиться своего и без этого не уйдет отсюда.

Она благоразумно отдала ему весь наш недотраченный заработок до последнего гроша – сто долларов и 200 тысяч рублей, недеминированных еще тысячекратно денежной реформой.

И вот украинский «афганец», спасенный мною из плена и обобравший мою семью, заново уселся невозмутимо и привычно на нашем диване. А это позволил я ему из любопытства: чем еще поживиться он приперся? Никакого страха я не испытывал. В четырех шагах от дивана висела декоративная шторка, а позади нее хранился мой пятизарядный помповик.

Порокопчук держался поначалу вежливо:

– Не могу пока, Иона Ионович, вернуть вам свой долг, но обещаю отдать.

Далее последовал его рассказ о том, как он год назад пробрался в Прибалтику, обзавелся там фальшивыми документами для поездки в Германию, а оттуда пересек пограничный мост через Рейн и вступил во французский Страсбург. В этом городе Прокопчук пришел в контору вербовки наемников Иностранного легиона.

Служба в легионе сулила Прокопчику не только вознаграждение в инвалюте. Французы беспрепятственно принимают в Иностраннный легион беглых преступников из любых стран, меняют им имена и фамилии, оберегают от полицейских розысков, арестов, передачи зарубежным органам правосудия.

Иностраннный легион насчитывает восемь тысяч солдат и сержантов без французского гражданства. Их рассылают убивать и умирать вдали от Франции в пекле локальных войн африканцев, арабов, сербов, хорватов. Теперь треть легионеров составляют наймиты с уголовным прошлым из европейских отсеков разрушенного «социалистического лагеря».

– Французы не приняли меня в легион, – посетовал Прокопчук. – Забраковали меня из-за повреждения пальцев в кулачных потасовках.

Кости его клешней были действительно искривлены, приплюснены и бугрились подкожными шишками.

Отвергнутый французами неудачник, разговорившись у меня на диване, обмолвился лишь вкратце, что он вернулся к германцам и провинился чем-то перед ними. А они его депортировали.

Но все равно он возжелал возвратиться к немцам. И посему заехал в Москву подработать денюжку на новое проникновение в Германию. Ее полиция включила его, однако, в список «нежелательных иностранцев», что понудило Прокопчука запастись в Москве значительной суммой не только на дорожные расходы, но и на покупку у знакомых ему бандюг в Прибалтике иностранного паспорта на вымышленное имя.

Все это высказав, Прокопчук перешел к цели прихода ко мне. Он пристроился, оказывается, охранником на рынке в Лужниках и ночевал там в сторожке ради денежной экономии. Неуютный ночлег побудил обратиться ко мне с вопросом: не могу ли я подыскать ему временное жилье у какого-нибудь моего приятеля?

– Нет, – ответил я. – Искать тебе жилье я не буду.

Прокопчук насупился. Уставился на меня молча. Потом скривил рот в ухмылке и прошипел:

– Я всегда имею нож наготове.

– И у меня тоже нож в кармане, – огрызнулся я. – Да еще под рукой топор.

Не предупредил о помповом карабине: секретное оружие – наиболее действенное.

Но мы расстались мирно без поножовщины и повторных обоюдных угроз. Как полагаю, навсегда.

Надеюсь, что вывезенный мною из Пешавара беспутный бродяга с чужим именем в чужеземном паспорте все еще жив-здоров, быть может, на свободе или в какой-то кутузке.

Среди нас сотни таких, как он, больны поныне неизлечимо афганской войной. Ее метастазы продолжают гноиться внутри России.

Известный поэт Глеб Горбовский опубликовал 18 марта 2003 года в московском еженедельнике «День литературы» стихотворение «Афганцы» о наших ветеранах афганской войны. Вот шесть начальных строк тех стихов:

*Хлебнувшие крови, нюхнувшие трупов,
Они в городок возвращаются – Глупов.
Там ждет их заштатная нищая скука,
С безумной и смертной отвагой – разлука.
Куда им податься? Озвучим их тайну:
В охранники или... в убийцы по найму.*